

что смерть не всегда нужно считать несчастьем. Обнаруженное Вольтером противоречие действительности Руссо пытается разрешить диалектически, показать, что понятия счастья и несчастья соотносительны и могут быть осознаны и определены только во взаимосвязи, но при этом его диалектика оказывается идеалистической и разрешение противоречий поэтому мнимым: «Есть много приключений, которые нас часто больше или меньше поражают, смотря по видам, под которыми мы об них рассуждаем и которые много теряют своего ужаса, внушаемого ими при первом рассмотрении, когда мы ближе их исследуем. Я выучился из „Задига“, и при том натура утверждает меня ежедневно, что скоропостижную смерть не должно всегда почитать сущим злом, но иногда некоторым благополучием. Из толикого числа придавленных людей лиссабонскими развалинами многие без сомнения избежали великих бедствий. Хотя таковое описание заключает в себе много трогательного и способствует к стихотворению, однако неизвестно, чтоб кто из сих несчастных больше бы претерпел, если бы он, по обыкновенному течению вещей, ожидал в продолжительных скорбях смерти, которая теперь его нечаянно постигла» (стр. 243—244).

Опубликованные последовательно одно за другим письмо Руссо и поэма Вольтера превращали читателей русских журналов в свидетелей одного из самых значительных философских споров середины XVIII века. И тем большее значение приобретает инициатива Богдановича — перевести «Поэму на разрушение Лиссабона».

Содержание поэмы не исчерпывалось ее текстом. Предисловие и особенно примечания дополняли поэму блестяще написанными критическими оценками важнейших положений философии оптимизма. Перед Богдановичем стояла трудная задача: познакомить русского читателя также и с примечаниями Вольтера или каким-нибудь иным способом дать знать об их существовании. По-видимому, напечатать примечания вместе с поэмой было невозможно по цензурным причинам. Тогда Богданович применил такой остроумный прием: во всех случаях, когда какое-либо место поэмы сопровождается развернутым примечанием, переводчик в сноске указывает: «Смотри примечание в конце фоанцузской поэмы». При большой распространенности Вольтера в России любознательный читатель, владевший французским языком, легко мог последовать этому указанию.²⁰

²⁰ См. об этом в наших примечаниях к «Поэме на разрушение Лиссабона» в кн.: И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л., 1957, стр. 241—244. Нам удалось установить оригиналы еще некоторых произ-